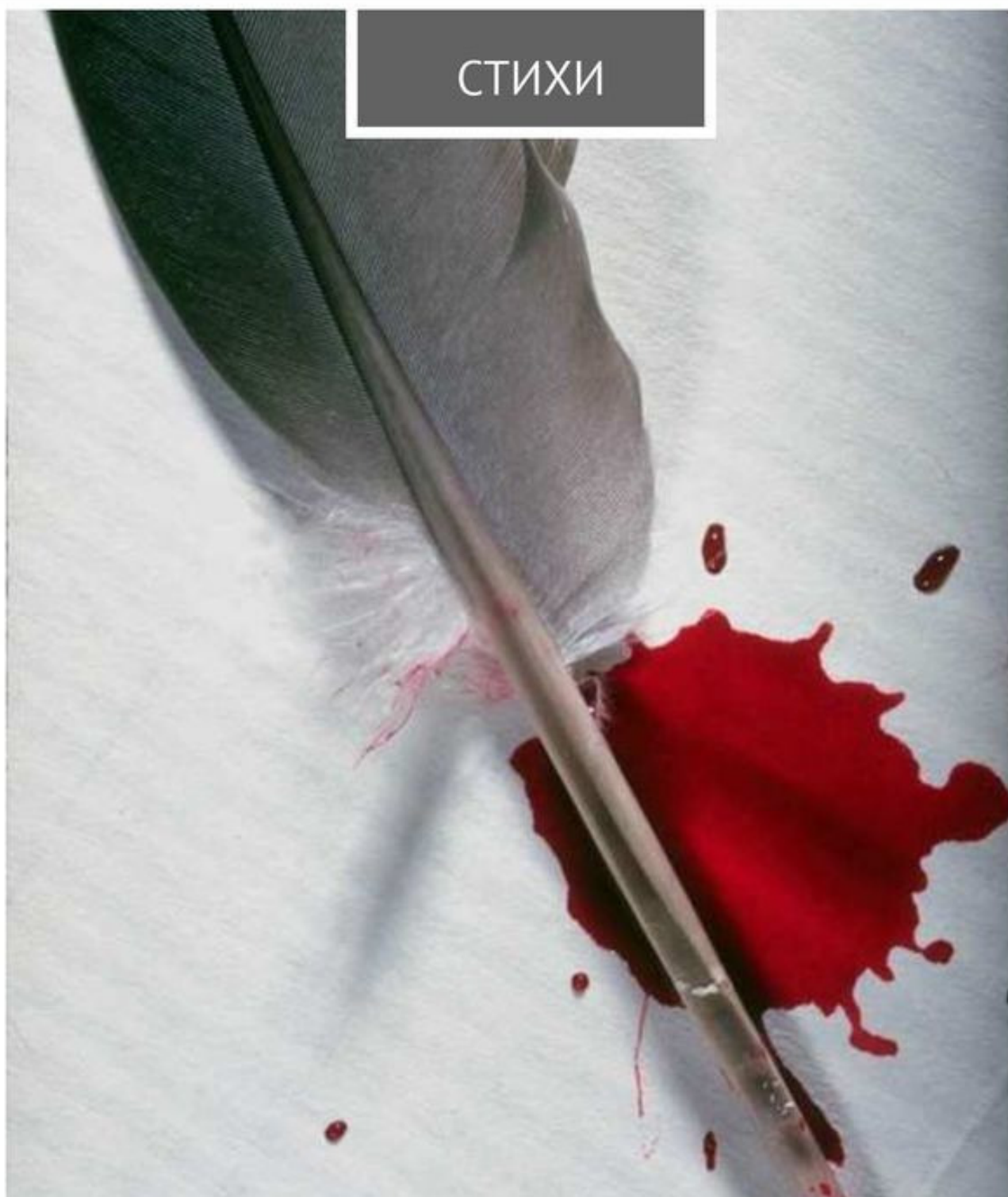

18+ НАТАЛЬЯ МЕТЕЛИЦА

На белом всё сложнее

СТИХИ

Наталья Метелица
На белом всё сложнее. Стихи

«Издательские решения»

Метелица Н.

На белом всё сложнее. Стихи / Н. Метелица — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837273-5

Основную часть книги составляют стихи, написанные в 2017 году. Творческий почерк автора весьма узнаваем, искренне эмоционален и афористичен.

ISBN 978-5-44-837273-5

© Метелица Н.
© Издательские решения

Содержание

«А много ли нужно?»	6
Если нужен	7
Два мира – две войны	8
Зря боишься большого зверя	9
«В этом времени гадком...»	10
Новые стихи	11
«У прозы места больше, но...»	11
Всё сама	12
Полынья	13
Когда не поняли	14
Заветен	15
«Здравствуй...»	16
У нежной кожи...	17
Для женщины почетнее молчать?!	18
Моему любимому разрушителю	19
Холод, голод – всё одно	20
А нужно ли было говорить?!	21
Ты фе-враль мой	22
«Мне не важно уже, где теперь моя будка...»	23
Алогичное?	24
Тишина	25
На белом всё сложнее	26
Бегство	27
Мельчание	28
Немного грустной иронии, потому что...	29
В гости	30
Домой	31
Не такая!	32
Раненый	33
Всё дело в масштабе	34
Еще одна игра	35
Фантомные боли	37
Запонка	38
«Снег сыпал речами...»	39
Слова...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

На белом всё сложнее
Стихи
Наталья Метелица

© Наталья Метелица, 2021

ISBN 978-5-4483-7273-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«А много ли нужно?»

То, что некоторые люди называют твоей глупостью, на самом деле зачастую просто человеческая порядочность

А много ли нужно для женского счастья?
Осенний роман/с горчинкою вальса...
И лето простить, что некогда белый
стал черным от горя...
да переспелым...

Если нужен

Если кому-то нужен человек «физический», то так или иначе ему придется взять в придачу и внутренний мир – и нести ответственность за человека «душевного», или хотя бы считаться с ним, уважая.

А кому это надо, если изначально физический человек был более необходим???

Вопрос в другом – так ли нужен сегодня один реальный человек другому реальному человеку?

Два мира – две войны

Нельзя у человека отнимать мир, делающий его счастливым и внушающий ему веру в себя и смысл... отнимать – лишь потому, что вы уверены, что ваш мир сделает его куда более счастливым...

Не сделает...

Разве что вы сами, вдвоем, поможете вашим двум мирам подружиться и уважать друг друга, как бы вас что-то ни раздражало...

Ваше раздражение – не вина другого.. Это ваша реакция на его мир... Так не добрее ли просто уйти, не руша то, где другому без вас будет грустно, но естественнее, и понятнее, и радостнее, чем с вашим насильственным непониманием... где ради кого-то нужно окончательно убить себя.....

Какими смешными кажутся люди, осуждающие тебя за то, что себе самим и простили бы...

и даже худшее себе бы простили... найдя оправдание и не желая себе в том признаться.

Всё можно очернить —
и всё возвысить,
когда казнить
иль миловать
взял власть....

Зря боишься больного зверя

*Никто твой грех не отплет,
И, выжигая идиот,
На лбу клейма оставят след,
По сути равное поэт.*

Зря боишься больного зверя,
Если он добрее тебя.
Я когда-то
гуляла по саду,
Ничего в том саду не губя
И тебе, человеку, веря!..

Я готова. Уже не страшно.
Страшно быть человеком ЗРЯ!
А для зверя
и голод – вера.

Я без веры.
Живи!
Игра
интересна, но
не вчерашним...

«В этом времени гадком...»

В этом времени гадком
Есть одно утешенье —
Что глаза у собаки
И теплей, и честнее...

Новые стихи

«У прозы места больше, но...»

У прозы места больше, но...
для всякого больного сердца —
СВОЕ убежище и дверца
от сказки тихой и лесной.

Среди героев, фабул, глав
мой душа и женский запах
беспомощней утратой прав
на исповедь и время. Краху,
с последней точкой за стихом,
дается больше нужной воли,
и, поцелуй даря виоле,
теряю память... Гольшом
я бегаю по лесу так,
как чувствую ногами землю.
Стихами говорю – и внемлю!

И – выстрел в грудь:
«Каков спектакль!»

Всё сама

Вот сделаюсь старше —
и перестану
в ладошки ловить
голубые туманы.

...

Было.
Ни много ни мало.
Ладонь и ладошка.
Сама и разжала,
просыпав немножко —
от счастья простого
простую застежку.

Полынья

...А чувства – как в оковы втянута
Вся, словно полынья, душа.
И кажется, что вновь обманутый
Священный жест карандаша.

Ему б писать о ласках повести.
Ему б поэмы сочинять.
А он, устав от женской горести,
Спешит себя же поломать_____

Когда не поняли

На расстоянии протянутой руки
всё дергалось,
плясало,
хохотало;
и чья-то милостыня унижала,
но думала – спасает.

Чьи стихи
читала я, не помню.
Руки плыли —
и резали пространство поперек,
и между выдохом и вдохом
то ли Блок,
а то ли личное... Слова кормили
толпу,
снующую,
жующую – и зря
глотающую дикий рев гортани —
и то ли музыку,
а то ли причитанья, —
себе под нос иное говоря.

На расстоянии протянутой руки,
на кончиках разгоряченных пальцев —
обрывок фразы...
утонувшей в танце
монет, что обесценили стихи,
не понимая, для кого читала
моя рука и для чего звала
кого-то впереди...

и мой кулак
обжегся о надменный звон
металла.

Заветен

У дня
длиннее солнце.
У ночи —
звезды ярче.
Лишь я одна —
не значу.
Да каменное —
бьётся.

А горькое —
всё горше.
Уста —
отравы язва.
Лишь ты один
хороший.
А я пускай —
ни разу.

Подумаешь, разбилась
неделя на столетья.
А я сто раз сердилась —
да двести —
вновь
заветен.

«Здравствуй...»

Здравствуй.
Я сегодня коротко.
(Не хочу тебя будить.)
Мы не виделись два вторника.
Завтра – третий. Говорить
мне не хочется. По-разному
мысли думают о нас.
Заполняю рот свой фразами —
врут слова. И унялась...

Видишь, как я лгу заученно.
Три недели школе той.
Я давно уже измучена
бессловесной пустотой.

Для прощанья нет ни буковки.
Звуки – ёжики. Слова
затаились. Каждой пуговкой
говорю.
С тобой.

Жива!

У нежной кожи...

У нежной кожи облаков
кровоточащий вечер.
Нет ржавых капель из стихов
прижечь —
и докалечить.

А тут лишь дождь – полдня – и дождь...
И режет нож по нотам.
А сердце «вынь да и положи».
«Мне некогда. Работа».

Такие призрачные дни —
и зрячие недели.
Чем дальше люди, тем они
родней.
Но – доГОРЕли...

Для женщины почетнее молчать?!

Мы обманываемся, когда думаем, что общаемся друг с другом через слово. Если между нами нет глубины молчания, слова почти ничего не передают. Понимание происходит на том уровне, где два человека встречаются глубинно именно в молчании, за пределами всякого словесного выражения.

Антоний Сурожский

У страсти много лишнего огня.
Ему слова – что высушенный порох.
И рот исчерпает тебя до дна
Распушенности чар, влюбленных
В себя – и более в себя, чем в скромность
Молчащей, но глубокой тишины.
Ты слово бросила. Пустое. Расколось.
Ничто и есть ничто,
сколь ни распни.

Молчание – достойнее. Но там,
Где кто-то между вдохов бессловесных
Читает наши страсти, слышит храм.
И тишина – что слово. Рядом, вместе.

Избавь меня от муки говорить
Тому, кто этой мукой избалован.
Кто нараспашку – тот прочнее скрыт.
Как ты умен —
и я молчать готова!.....

Моему любимому разрушителю

Ты слышишь?
Я с тобой.
У всех причалов
гудят мои большие корабли,
как будто ты и есть
земли Начало,
Но я противлюсь этому!..
В пыли
всегда роскошнее цветок
трусливый,
которому в саду – укор других,
ДОСТОЙНЫХ сада!
Как же вы красивы —
но Я такая маленькая
в миг, когда вы рядом —
и когда
с тобою.
Мне нужный —
но не гордости моей!
Нет!
Не гудит!
То просто ветер воет,
забивший голову
мечтами кораблей!

Холод, голод – всё одно

Как бережно унижена тобой...
Всё растушёвано и не желает цвета...
На четвереньках ползают гурьбой
опознанные ультрафиолеты...

У бури кончился запасный ход.
На истощенном слове паутина.
И ею залепить бы сразу рот,
но человек —
гордынная скотина.

Ему исчезнуть проще, чем молчать.
Сухарики царапают мне сердце.
Уж лучше б я поела, чем глотать
такие чувства,
где гореть —
не греться.

А нужно ли было говорить?!

Любишь? Я знаю. Больно.
Я же сама – вот так.
Вдоль. Поперек. Продольно.
Выжжена. Стыну. Прах.

Я же сама. Но – молча.
Разве у слова власть,
Если касаются ночи
Тихо – а обожглась...

Если я стану громче,
Если л... (читай по губам) —
Звук посмеяться захочет,
Станет укором нам.

Выйдешь однажды в двери.
Молча. Немая струна.
«Видишь, как слову верить?» —
Выдохну.

И одна.

Ты фе-враль мой

Пусто – до однообразия.
То ли утро, то ли ночь.
Сыплет снег в дороги грязные,
Да и сыпать – как толочь.

Тает небо вверх тормашками.
Тучи серые в ногах.
В феврале – любовь с натяжкой.
И ни этак – и не так.

Врал мне вечер запорошенный,
Что тебя ко мне ведет.
Ты фе-враль мой. Под подошвами
То ли мокро, то ли лёд.

«Мне не важно уже, где теперь моя будка...»

Мне не важно уже, где теперь моя будка.
Мне не важно, кобель или сука!.. Скулит
семидневный щенок.
Трется мордой об ухо.
А за ухом как раз
и гниет,
и болит...

Я гоню эту морду – а мордочка снова
тычет, тычет туда, где терпеть нету сил.
И от боли ту тварь задушить я готова,
потому что меня так никто не любил, —

*чтобы тыкаться мордой туда, где не надо,
чтобы жаркой слюной мои руки святить!*

И зачем ты мне нужен?
Зачем виновата?

В этой будке уже
никого
не родить...

Алогичное?

Не ищите логику там, где отсутствие логики и есть главный смысл, а значит, и сама логика.

Понятное с щелчка, в один присест —
Разумно до прозрачного сознания.
Алиса не блукает в мире Тайны.
И сказка на цепи. И кот – подлец.

Расти – и уменьшаться – и расти —
Вся наша жизнь. Где ищем «я» такое,
Чтобы понять себя и всё земное,
Не по-земному странное... В пути
Все указатели абсурдны, но логичны
Для разума, чья логика – абсурд.
И как же хочется сбежать куда-нибудь,
Где всё без смысла (будто) и причины..

Прозрачный день в прозрачное стекло
Красив сам по себе. Он «я» не ищет.
А человек из двух четверостиший
Построит лабиринт,
себе назло.

Тишина

Почему так тихо и спокойно?
Замолчали ветры и дожди.
Две слезы на маминой иконе
Высохли. Давно себя сожгли
Нити тонкие. И день трезвонит
Радостью, а может, и двумя, —
Если тишина имеет голос,
Одаренный так свести с ума,
Что и рада этому! Неважно
Станет всё пустое на земле.

Помолчи со мною... Души наши —
Два листа на письменном столе..

На белом всё сложнее

На белом всё сложнее:
суть узора,
вес буквы и
звучания вне слов,
фигура рядом и
внутри,
и коридоры —
казенные —
с халатом докторов.

На белом строже к человеку совесть.
И красота.
И чистая любовь.
Губами белыми глотаю
эту новость,
напуганная черной ведьмой снов —

Всё про тебя. Да о тебе. И ради.
На платье белом —
бисер крупных слез.
Да и по мелочи...
Душа моя и платье
рассыпались
кристалликами
«SOS»...

Бегство

Рука горела льдом. Холодный разум
берёг тебя от власти женских губ,
а музыка твоя, щитом алмазным,
спасала от нее...
Ты был с ней груб
лишь оттого,
что нежным быть боялся.
Себя боялся – если рядом с ней.
И прятался в изящный флёр —
грусть вальса,
обманывая вихрь своих страстей.

Отыграно.
Осенний зной на ветках.
В груди – иные воздух и душа.
И музыка крошилась —
как таблетка,
Не стоя без любимой ни гроша.

Мельчание

Всё ничего:
у десятого раза
Больше и опыта, и простоты.
Люди смелее. Губительней фразы.
«Девушка».
«Женщина».
«Ты!»

Пол не существует. Если – в глубь совести.
Если вопросы себе задавать.
Если на завтрак съедать горе-новости.
Вздоргнуть – да привыкать.

Всё истончается да захламляется
Суффиксом, префиксом, ...ом.
Пикают новости. Ложь да красавица
С ярко-растраченным ртом.

Новое – «свежее». Боль – до «страданыюшка».
Лестница грамотной лжи.
(Можно я тут погуляю по краешку,
КРАЯ не трогая ржи?)

Всё – в ничего...
У десятого раза
Меньше и верности, и высоты.
Мир стал разрушенной старой террасой.
В доме – война и... кресты.

Немного грустной иронии, потому что...

В этой вечной круговерти
время сжалось до нуля.
Человеку на планете
не хватает его для —

всех начал и окончаний,
разговоров,
 планов,
 дел.
Стал начальникам начальник —
а вот к сути не успел...

То ли люди изменились,
то ли время – как вода.
Помню, мы тогда влюбились
в первый раз, чтоб – навсегда.

Было вечностью, что после
стало пылью на часах.
Вытираю. Сердце просит
первый раз, когда... ох!...ах!

Но – ничто, никто, нисколько.
Никогда и ни за что!
Николай Иваныч. Колька!
И – ладони под пальто.

Будто первые морозы —
Те, что наши – на двоих!
Что же Вы такой серьезный?

Время, время...
Вечность.
Миг.

В гости

На цыпочках крадусь к тебе.
Дышу, как лето, – без дыханья,
Но горячо. Ты мой, мне равный,
И предначертанный в судьбе,
Да не распробованный вкусом,
Когда для сердца – всё легко
И ясно, пусть и далеко,
А я так мучаюсь, и злюсь я.

Прилив небесной глубины
Чуть охлаждает наши раны,
Сближая, смешивает страны
И стороны, что не видны
Чужому взгляду осужденья,
Чужому слову, что казнит.
А я бы каждому из них
Была улыбочивым прощеньем.

Когда мы счастливы, прощать
Худую глотку чьих-то сплетен —
Такая радость, будто дети
Сумели зайчика поймать.

...

И вот на цыпочках... назад.
Тихонько дверь. Тихонько – разум,
Не понимая всё и сразу
Того, что не дано понять.

Домой

Смотрю и не вижу.
Ты стал незаметен —
и стал вездесущим,
как пыль из частиц.
С тобой говорю —
но никто не ответит.
Не слышу тебя.
Не хочу!
Ржавый лист
раскрошен под пяткой.
Для ветра. Для пыли.
Весь город зеленою медью горит.
Кричит светофор: май, ноябрь, отлюбили, —
а я улыбаюсь!.. нигде не болит.

Дорога ручная.
Машинки-игрушки.
Одетые куклы.
Босая душа.
И вечер, как друг
терпеливо-послушный,
уходит, но бережно,
еле дыша.

Свободна!
Не нужно обмана и счастья,
с притворными фразами, лаской чужой.
Я медная осень. Калитка. Терраса.
Я мир,
наконец прибежавший
домой.

Не такая!

Проснешься – когда я не рядом.
Пропажи во мне не найдешь.
С тобою – мне хуже быть надо.
Но ты ведь тогда так хорош!

И мне пропадать – до мозга!
Быть частью твоих чертей —
Изрезанная на полоски
Тугим языком страстей!

Зачем?! Что мне делать такую,
Что после – противна себе?
Я лучше!.. Я просто с тобою
Кипящая мука в мольбе!...

Рассвет – на дрожащих лапах.
Вправляю покрепче хребет.
С тобой – остается мой запах.
Со мной – мой рассудок и свет.

2017

Раненый

Порок любой души, когда пора
Прозрачных слёз обиженного детства
Закончилась – и время выбирать
Для взрослых игр иные цель и средства;

Иные лица боли примерять,
Что загнана во все углы и норы,
Лишь бы забыть и людям не отдать
Себя – ранимого и слабого, который

Не явится раздет и сокрушён
На осужденье тех, кто сам без роли
Не мыслит свой покой среди корон
Высокомерия, но чаще – поневоле.

Всё дело в масштабе

Ты мне приснился.
С прицела неблизкого.
Щупленький да смешной.

Я ведь согласна даже на лысого.
Но не с плешивой душой.

Еще одна игра

Чтобы, обретя Вас, я немного Вас забыла.

М. Цветаева

Забудьте обо мне.
И вдруг однажды
я новая, я лучше той приду,
что Вам была любимой. В этой краже
вновь одарю Вас. У любви в роду

намешано чертовски много. Слаще
всегда вначале. Сумасшедший рой
клубится в голове тоской звенящей, —
и плоть желает плоти!.. Бог, герой,

и человек, и зверь, и вещь...
Безумство наше
желает нас соединить в одно
и локти раскрошить границ вчерашних —
и уничтожить «»... И оно *это*

уже не я, не ты. В ночи пустычной
нет звона или крика!.. Спи, душа,
обманутая смехотворной блажью
игры страстей, что стыла не спеша,

но угасала с каждой встречей. С каждым
движением знакомого бедра.
И зверь остыл, и человек – уставший.
И Бог уходит вновь в свое вчера.

А завтра не наступит. В рукопашной
мы уничтожили его азарт и пыл.
Забудь меня. Забудьте.
Вы – вчерашний.
И я вчерашняя.
С нуля.
С начала.
Пыль —

на нашем подоконнике однажды,
когда вернусь к Вам новая. Не я.
И я себя прощу за эту кражу
судьбы ее, где Вы —
моя семья.

Забудьте обо мне!

Фантомные боли

Не будет встреч – и расставаний.
Не будет радости – и слёз.
И не достроенные здания.
И не посажен синий лес.

И даже половины чуда
Из двух задуманных детей
Не сотворил. Пуста посуда,
А столько подано на ней.

Не будет НАС. Есть я и – кто-то,
Срисованный с зеркальных вод.
И лучше – день БЫТЬ идиотом,
Чем просто ЗВАТЬСЯ – идиот...

Запонка

На запонке споткнулась встреча.
Ты тербил мой взгляд ночной.
А мне и крыть-то было нечем:
Духи и шарфик озорной.

Давно допитая разлука.
А мне б часа за полтора
Уйти отсюда – в чьи-то руки...
Ах, запонка, прощай!
Пора.

Сегодня не случится. Знаешь,
Уже через минуты три
Я поняла, что днем вчерашним
Люблю лишь запонки твои.

«Снег сыпал речами...»

Снег сыпал речами.
И речь не лепилась.
Затем замолчали.
И даже не злилась.

Ломалось.
Крошилась.
Хрустела.
Знобило.
Какая немилость,
что милостью было!

Зима – это просто
три месяца правды...
слова-альбиносы...
холодные даты...

морозы...
морозы...
по звукам...
по нервам...

Ведь ты не серьезно
сказал это ? *первым*

Слова...

Эти звуки – не к этому слову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.